Вся эта длинная речь вкладывается в уста Святослава Игоревича и должна, таким образом, играть роль исторического примера. Но в дошедших до нас летописях нет прямых соответствий этому эпизоду „Слова“ и „Моления“. Известная по летописям речь Святослава перед боем с греками имеет мало общего с речью Святослава, „сына Олжина“.

Вот как она читается по Ипатьевскому списку летописи под 971 годом: „И рече Святослав: «уже нам некамо ся дети, и волею и неволею стати противу: да не посрамим земли Руские, но ляземы костью ту, и мертвы(и) бо сорома не имаеть; аще ли побегнем, то срам нам; и не имам убегнути, но станем крепко, аз же пред вами пойду. Аще моя глава ляжеть, тоже промыслите о себе»“.[1]

Безразлично, исходил ли автор „Слова“ из летописного текста или из устного исторического предания, но речь Святослава приобрела у него совершенно иной смысл, чем та, которую мы знаем по летописи. В ней появилась идея, которая не могла быть доступной князю-язычнику: идея предопределения исторических судеб человечества. Провиденциальная точка зрения на исторические события — это то новое, что автор „Слова“ внес в эту речь Святослава.

Однако не следует думать, что в этом была его основная цель. Характер отношения его к своим литературным источникам, в частности к церковной книжности, заставляет быть осторожным в суждениях о его „историософии“. Как правило, изречения, взятые им из библейских книг, в контексте „Слова“ теряют свой исконный религиозный смысл. По своей художественной функции они приравниваются к афоризмам из повести об Акире премудром, или из „Изборников“ Святослава, или, наконец, к таким, за которыми слышится русская народная пословица или поговорка. Причем этот пестрый и разнородный материал всегда подчинен определенной задаче — выражению мыслей и чувств автора, его общественно-политических взглядов.

Можно поэтому предполагать, что и в данном случае перед автором „Слова“ стояла политическая задача. Он хотел на „историческом“ примере Святослава по-новому доказать справедливость уже давно феодальной практикой выдвинутой, но в середине XII века приобретавшей новое значение идеи об исключительной роли князя в военных делах. Если во внутренней политической жизни, по мнению автора „Слова“, „з добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть (*А, XXXIII*)“, то в военных столкновениях дело решается не княжескими „думцами“. Между князем и дружиною автор „Слова“ никого не ставит. При „добром князе“ и победа и поражение в конечном счете могут быть объяснены только волей божьей. Такой взгляд на роль князя на войне не ослаблял, а наоборот, укреплял идею о необходимости сильной княжеской власти. Провиденциальная точка зрения автора „Слова“ на исторические события отмечена в данном случае определенной политической тенденцией.

Формально сохраняя этот строй мыслей Даниила Заточника, составитель „Моления“ по сути дела отменит его, противопоставляя ему новые, подсказанные изменившимися историческими обстоятельствами соображения. В сложных условиях татаро-монгольского нашествия он будет давать своему князю, уцелевшему на первых порах только благодаря своей дипломатической изворотливости, более осторожные

---

[1] ПСРЛ, т. II, вып. 1. Пгр., 1923, стр. 59.